

ГЛАВА 8

Энергетическая дипломатия

Конопляник Андрей Александрович

Памяти товарища, коллеги, профессионала

Двадцать второго января 2020 года не стало Владимира Исааковича Фейгина.

Мы были знакомы с ним с конца 1980-х годов, и нас связывало не только взаимопонимание по многим профессиональным вопросам, что оставалось в течение долгого времени основой нашего взаимодействия в энергетической сфере, но и то, что по многим жизненным вопросам, в том числе далеко выходящим за сферу экономики энергетики и/или международных отношений в этой области, мы с ним также смотрели в одном направлении. Ну или, по крайней мере, нам так казалось... во время нашего то более, то менее интенсивного общения... когда периоды тесного взаимодействия и личных контактов перемежались периодами меньшей регулярности персональных встреч.

Для меня он всегда был, есть и останется Володей...

В.И. Фейгин был широко известен в России, Европе и остальном мире как уважаемый ученый и серьезный профессионал в вопросах экономики энергетики, энергетического анализа и прогнозирования, российской и мировой нефтяной и газовой промышленности. С 1970 по 2004 г. он работал в научно-исследовательских структурах Министерства газовой промышленности СССР, а потом «Газпрома», и, насколько мне известно, был одним из участников разработки системы распределения газовых потоков в создаваемой в 1970-е гг. Единой системе газоснабжения СССР, которая успешно функционирует и сегодня, являясь залогом устойчивого и стабильного газоснабжения России и Европы. Знаю, что к числу своих особых «внутренних» достижений Володя относил также работу по созданию Некоммерческого партнерства «Координатор рынка газа»¹.

В отзывах на смерть В.И. Фейгина различных уважаемых информационных агентств и официальных представителей тех или иных организаций, с которыми он сотрудничал и/или которые откликнулись на его кончину (а таких было немало, как отечественных, так и зарубежных), упоминается широкий перечень его должностей, которые он занимал за 50 лет своей профессиональной карьеры (которая развивалась по столь близкой и понятной мне траектории: скорее вглубь и вширь, чем вверх) сначала в советской, а потом в российской энергетике. К моменту своего ухода из жизни он был прези-

¹ См. главу 2 книги, а также воспоминания О.В. Танковой. – *Прим. ред.*

дентом Фонда «Институт энергетики и финансов», советником Президента¹ компании «Роснефть», консультантом Правления «Газпромбанка», председателем Совета директоров ОАО «ЭНГО инжиниринг», членом рабочей группы по вопросам ТЭК Комиссии при Президенте Российской Федерации по стратегическим вопросам ТЭК и экологической безопасности, членом Общественного совета при Минэнерго Российской Федерации, ко-спикером с российской стороны Консультативного совета по газу Россия-ЕС и соруководителем его Рабочей группы по долгосрочным газовым сценариям и прогнозам. При его непосредственном и активном участии была разработана Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС на период до 2050 года, подписанная и согласованная обеими сторонами. Уже только этот перечень говорит о Володиной профессиональной состоятельности, которая подробно освещена на страницах этой книги.

Мне же хотелось бы остановиться на своих личных воспоминаниях о периоде нашего знакомства и профессионального общения, особенно на том этапе и в той сфере, где и когда оно было наиболее тесным.

Познакомил нас с Володей (ныне, увы, также покойный) проф. Александр Аркадьевич Арбатов, тогда заместитель председателя сначала КЕПС РАН, а потом зам. председателя СОПС², к которому – и как к человеку, и как к профессионалу – мы с Володей испытывали нескрываемый пиетет. А когда человек, к которому Вы испытываете искреннее уважение, знакомит Вас, с соответствующими рекомендациями/отзывами, со своим коллегой (а именно так знакомил меня А.А. Арбатов с В. Фейгиным, и, одновременно, Володю со мной), то сразу же возникает кредит доверия – и профессионального, и чисто человеческого, – и взаимная симпатия между теми, кого знакомит между собой Ваш Старший Товарищ и Учитель (а именно так – и всегда с большой буквы – мы с Володей воспринимали А.А. Арбатова).

До начала нынешнего века наше общение с Володей было в основном периферийным и опосредовано «кругом Арбатова»: мы встречались чаще по вопросам их общих интересов, как правило по линии ЭНГО (где тогда работала еще одна коллега Фейгина и Арбатова – Елена Медведева, ныне Представитель ТПП РФ в странах Бенилюкса, через которую широкий круг представителей делового сообщества Северо-Западной Европы узнал о Володиной кончине, и многие прислали через нее свои соболезнования), или в 1990-е годы по линии проекта ЕБРР по повышению эффективности функционирования российской ГТС (минимизации утечек и потерь газа в системе и конвертации их в дополнительный экспортный потенциал России), инициатором которого был еще один выдающийся специалист в области экономики энергетики, и впоследствии наш общий друг с Арбатовым и Володей, англичанин Клайв Хардкастл.

¹ С 2016 г. должность главы компании стала называться «главный исполнительный директор». – *Прим. ред.*

² Совет по изучению производительных сил (СОПС) – научно-исследовательское учреждение по проблемам размещения производительных сил и региональной экономике при АН СССР (1930–1960), Госплане СССР (1960–1992), а затем при Министерстве экономического развития России. – *Прим. ред.*

Когда А.А. Арбатов нас знакомил, он мне представил Володю как специалиста в первую очередь в газовой сфере. И именно в этой сфере сошлись наши последующие с Володией профессиональные интересы, а именно – в вопросах газового сотрудничества России и ЕС, где мы с ним стали особенно тесно взаимодействовать, когда я в 2001 г. выиграл международный конкурс и в начале 2002 г. уехал на работу в Брюссель, в Секретариат Энергетической Хартии (СЭХ) на должность заместителя Генерального секретаря. Ключевыми вопросами в то время в многостороннем хартийном процессе были разногласия между Россией и ЕС по трем транзитным вопросам Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ) и еще трем – проекта Транзитного протокола к нему. Поскольку касались они, в первую очередь, газовой сферы, то перед отъездом в Брюссель я обратился к Володе за помощью (Арбатов снова подтвердил мне тогда, что это будет лучший выбор для более детального понимания указанных проблем), чтобы углубить свои знания и профессиональное понимание сути разногласий и постараться на основе этого понимания в ходе последующей работы найти взаимоприемлемые многосторонние развязки. Володя, в свою очередь, познакомил меня со своим коллегой, с которым он долгое время работал в «Газпроме», Теодором Израилевичем Штилькиндо.

Я тогда работал в созданном мной в конце 1990-х гг. Фонде развития энергетической и инвестиционной политики и проектного финансирования (ЭНИПиПФ), который возглавлял, исполнительным директором которого любезно согласился быть А.А. Арбатов, и куда Володя иногда к нам заезжал, в частности на разные праздники, которые мы там устраивали и куда приглашали коллег и друзей, где совмещали ту или иную дату с обсуждением тех или иных актуальных профессиональных проблем. А как иначе? Для людей, любящих свое дело, «работа» не есть понятие «от 9 до 18», а как правило полное погружение в круг профессиональных проблем в режиме 24/7. Вот туда Володя и пришел в конце 2001 г. с Т.И. Штилькиндо, и у нас состоялся первый разговор «на троих» о газовых проблемах России и ЕС, об общих вызовах и возможных путях их решения, взаимоприемлемых, но лучше взаимовыгодных для обеих стран. Мы исходили из нашего общего понимания взаимозависимости и взаимодополняемости наших экономик, особенно в газовой сфере, где Россия и ЕС крепко-накрепко связаны друг с другом стационарной трансграничной капиталоемкой газотранспортной инфраструктурой, предопределяющей сохранение такой взаимозависимости и взаимодополняемости на долгие годы вперед.

Тогда и сложился и с тех пор поддерживался, вплоть до Володиного полного переключения из активной профессиональной жизни на борьбу с болезнью, наш триумвират доверительных отношений и профессиональных обсуждений по международной повестке газовых вопросов, в первую очередь по линии Россия-ЕС, то есть по линии взаимоотношений с нашим основным торгово-инвестиционным партнером в энергетической сфере, который, в нашем понимании, и останется таковым на долгие годы, даже с учетом заявленного и развивающегося «поворота на Восток», который, на наш взгляд, должен означать (несмотря на различные имеющиеся его интерпретации), не поворот вместо (разворот от), но формирование нового экспортного вектора в дополне-

ние к существующему доминирующему и ориентированному на запад (европейскому) вектору российской газовой экспортной стратегии.

При этом для нас было понятно, что долгосрочной целью энергетической стратегии России должно быть выстраивание системы «сообщающихся сосудов» – создание инфраструктурных коридоров сетевого газа (в то время о широкомасштабном формировании блока СПГ в российской энергетике речь еще не шла), тесно связывающих между собой российский внутренний рынок, газификация которого должна продолжать нарастать, исходя из технико-экономических и экологических соображений, а также традиционный российский экспортный рынок в Европе и формирующийся новый для нашей страны экспортный рынок в Азии. Тем самым Россия становилась бы ключевым «распределительным газовым центром» на формирующемся Евразийском энергетическом рынке. Создание капиталоемкой инфраструктуры – это весьма долгосрочное предприятие, которое требует долгосрочной же защиты и стимулирования инвестиций (потоков капитала, прямых инвестиций и их возврата) на стадии ее создания и торговли (потоков произведенного товара и выручки, полученной в оплату за этот товар) на стадии ее эксплуатации. Поэтому понятные, прозрачные, стимулирующие торговлю и инвестиции, устраняющие существующие барьеры на их пути и не допускающие возникновения новых таких барьеров общепринятые (единые) правила на всем пространстве формирующегося евразийского энергетического рынка – это залог устойчивого развития этого рынка и, в первую очередь и в том числе, России как одного из наиболее заинтересованных участников этого процесса.

В Секретариате Энергетической хартии в это наше трио естественным образом вскоре влился еще один высококлассный профессионал – Ральф Дикель (тогда Директор по торговле и транзиту СЭХ, а до того долгое время работавший в Рургазе, Всемирном банке и Международном энергетическом агентстве). Именно этим трем людям – Володе, Ральфу и Т.И. Штилькинду – я обязан значительной частью своих профессиональных знаний в газовой сфере. И значительной частью тех скромных успехов и достижений (в первую очередь – снятием большей части содержательных расхождений между позициями России и ЕС по ДЭХ и связанными с ним вопросами), которого нам всё же удалось добиться в процессе расчистки «завалов» на пути к (так в итоге и не состоявшейся) ратификации ДЭХ Россией, расхождений, созданных в основном мнимыми (виртуальными) озабоченностями некоторых российских компаний и ведомств (в первую очередь, поначалу, «Газпромом» и «Росатомом»), но, главным образом, ангажированными их лоббистами и (читавшими себя профессионалами, потому что попали или были назначены в соответствующие профильные комитеты) депутатами Госдумы. И вплоть до Володиного ухода эта наша четверка была, пожалуй, наиболее тесным для меня коллективом единомышленников в газовой сфере. И Володя в ней был, пожалуй, «немного равней» других... И не только потому, что мы с ним физически находились в одном городе... Именно в рамках этой нашей, сформировавшейся в период моей работы в СЭХ, четверки возникла и была затем материализована идея начать процесс неформальных консультаций между экспертами России и ЕС по остающимся открытыми вопросам хартийной повестки.

И то, что ключевыми экспертами от России в этом процессе были именно Володя и Т.И. Штилькин (мы с Р. Дикелем как представители СЭХ выступали в качестве организаторов и модераторов процесса неформальных консультаций), в значительной степени предопределило безусловный успех этих консультаций в содержательном плане, ибо сторонами были найдены и согласованы на техническом уровне все содержательные развязки, предложены взаимоприемлемые решения по всем вопросам, бывшими причиной разногласий РФ и ЕС: и по определению наличных мощностей транспортировки, и по размежеванию транзитных и внутренних тарифов на транспортировку, и по процедуре мирового посредника, и по вопросам резервирования мощностей и др. Не удалось снять разногласия лишь по одному вопросу, по так называемой «интеграционной поправке ЕС», которая являлась сугубо внутривосточной проблемой ЕС и ее решение не зависело от российской стороны. Хотя и по этому вопросу Володя предложил элегантное и содержательно выверенное, на мой взгляд, решение, которое тогдашняя сторона ЕС на консультациях не поддержала, исходя из политически заявленных устремлений (вступив, на мой взгляд, в противоречие с законами термодинамики)¹.

Знаю, что уже после моего ухода из СЭХ после завершения моего контракта с Организацией в апреле 2008 г., в конце того года, в преддверии надвигающегося второго российско-украинского транзитного газового кризиса (произошедшего в январе 2009 г.), Володя звонил напрямую тогдашнему Генеральному секретарю СЭХ А. Мернье и настойчиво призывал его выступить с публичным заявлением и в опережающем порядке предложить сторонам (не дожидаясь их обращения к нему, если таковое, что было маловероятно, последует) свои услуги в качестве мирового посредника для разрешения надвигающегося транзитного спора (такой механизм урегулирования транзитных споров предусмотрен статьей 7 «Транзит» ДЭХ).

Никто к этому Володю не принуждал. Это не входило в его прямые обязанности. Более того, многие считали (бы) это нарушением некоей субординации. Однако Володя был настоящим профессионалом и настоящим, болеющим за дело, гражданином своей страны. Он прекрасно понимал, к каким последствиям может привести (и, увы, привел) второй транзитный российско-украинский газовый кризис (первый состоялся в январе 2006 г. и, по счастью, продлился всего три дня; второй продолжился в течение долгих 19 дней...), то есть повторение уже случившегося прерывания поставок не только для обеих сторон в транзитном споре (России и Украины), но и для треугольника отношений Россия (производитель, поставщик, экспортер) – ЕС (потребитель, покупатель, импортер) – Украина (транзитная страна). В итоге, эти 22 дня суммарного перерыва в транзитных поставках перечеркнули (перевесили) в восприятии европейского обывателя и политических кругов ЕС, при соответствующей

¹ Более подробное описание хронологии подготовки Транзитного протокола, двусторонних консультаций между Россией и ЕС по вопросам, оставшихся открытыми после фазы многосторонних переговоров по Транзитному протоколу – и предложенных Володей ключевых развязок по проекту Транзитного протокола содержится в подготовленном Ральфом Дикелем и мной приложении в конце книги.

подаче этой информации западными СМИ, надежность и бесперебойность поставок российского газа в Европу в течение предыдущих 40 лет.

Володе, как и всей нашей четверке, был понятен «неизбежный эффект матрицы»: если первый кризис (2006) еще можно было списать на случайность, то второй (2009) в восприятии потребителя уже является закономерностью, и он будет принимать ответные меры, наиболее адекватной из которых является неизбежная диверсификация источников поставок и поставщиков, а также путей доставки, чтобы уменьшить зависимость от одного поставщика, независимо от того, является ли он исторически доминирующим. То есть от России.

Мы, каждый по своим каналам, призывали ни в коем случае не прибегать к прерыванию поставок на Украину, какими бы причинами эта мера ни объяснялась. Учитывая мои испорченные отношения с А. Мернье в конце моего пребывания в должности его заместителя (не терплю попыток диктаторских по отношению к себе замашек, тем более в моей профессиональной сфере, тем более от непрофессионалов), сама возможность моего прямого на него влияния была исключена. Ральфа Дикеля, своего тогдашнего подчиненного, Мернье тогда не особо слушал (сам был «шибко умный»). Володя же, как один из двух (пусть и неформальных, но явно выделявшихся как главных) персонажей среди команды российских экспертов в хартийном процессе, наряду с Т.И. Штилькиндо, явно ассоциировался у Мернье с позицией российского руководства. Упустить такой, пусть и эфемерный шанс попытаться предотвратить неумолимо надвигавшийся очередной транзитный кризис – этого Володя не мог допустить. Однако и его аргументов и решительности, увы, не хватило, чтобы переубедить, скажу мягко, нерешительного в вопросах, требующих решительных действий, Мернье, предложить сторонам себя и СЭХ (в соответствии с упомянутой выше процедурой статьи 7 ДЭХ) в качестве «мирового посредника» для предотвращения второго транзитного газового кризиса.

Хотя все необходимые наработки для этого в СЭХ уже были: в конце декабря 2005 г., когда Россия и Украина неуклонно двигались к своему первому транзитному газовому кризису, я в течение двух недель исполнял обязанности Генерального секретаря СЭХ (предыдущий генсек, Риа Кемпер, сдала свои полномочия и отбыла из Брюсселя, а вновь избранный на ее место Андрэ Мернье должен был заступить на свой новый пост только после Нового года). В это время мы с Ральфом Дикелем смогли добиться согласия российского и украинского руководства на применение процедуры мирового посредника на основании статьи 7 ДЭХ, если стороны не смогут достичь двустороннего соглашения; получили согласие и провели все необходимые подготовительные действия с таким будущим посредником – Джорджем Вербергом, тогдашним Президентом Международного газового союза, а до того бывшим председателем правления нидерландской компании Gasunie, и одним из наиболее уважаемых людей в отрасли, хорошо к тому же известным и в России (что немаловажно – и в «Газпроме»), и на Украине. И получить одобрение его кандидатуры у обеих сторон. Тогда, в начале 2006 г., эти наработки оказались не востребованными, хотя в первый рабочий день Нового года и в свой первый рабочий день в офисе, утром 03.01.2006, вновь избранный генсек СЭХ под нашим (Ральфа и моим) довольно жестким нажимом подписал свое обращение к уполномоченным

органам России и Украины с предложением запуска процедуры мирового посредника по урегулированию транзитного кризиса (остановка транзита уже состоялась, ибо тогда контракты на поставку газа на Украину и на транзит газа через Украину еще не были разделены). Но на следующий день, 04.01.2006, Россия и Украина подписали соглашение об урегулировании спора, заключив контракт на поставку газа на Украину (через компанию Росукрэнерго). И транзитные поставки также возобновились.

Все эти наработки сохранялись у Ральфа Дикеля, который в то время продолжал работать в СЭХ. Именно он с Володей пытался вновь урегулировать надвигавшийся второй транзитный кризис по уже ранее подготовленной и апробированной (по крайней мере, на ее подготовительной стадии) модели «мирового посредника». Увы, не сработало. Несмотря на все – в том числе Володины – усилия... Но в этом нет его вины.

Иногда люди, долгое время вращающиеся «в верхах», начинают руководствоваться, в первую очередь, «политическим чутьем», то есть не выдвигать, не предлагать идеи, которые могут не понравиться начальству, руководству... Володе много (а в последние годы много больше, чем мне) приходилось общаться «в верхах». Но в тот момент, в конце 2008 г., и для меня это совершенно очевидно, вопросы «политического чутья», если в нем и существовали, то безусловно отошли далеко на второй-третий-дальний план. Для него главным было постараться не допустить развития событий по нежелательному, неблагоприятному, недопустимому для России и для России-ЕС-Украины, тесно переплетенных и неразрывно взаимосвязанных в энергетической, а тем более в газовой сфере, сценарию. В это время в моей стране было (и Володя это, очевидно, понимал) довольно много влиятельных людей во власти – сторонников силового сценария разрешения транзитного спора (именно по этому сценарию, увы, и пошло развитие событий). Но он не побоялся настаивать на непопулярном тогда альтернативном – мирном – сценарии решения транзитной проблемы. Хотя не мог не понимать, что не всем «сильным мира сего» это может понравиться...

Еще сильнее эта его «необязнь» проявилась буквально пару месяцев спустя, когда под прикрытием обвинений в адрес СЭХ, что он-де не предотвратил транзитный газовый кризис, в России буквально взметнулась волна высокопоставленных призывов за выход из ДЭХ.

После разветывания «дела ЮКОСа» в России появилось много новых высокопоставленных недоброжелателей ДЭХ, которые считали, что нашей стране нужно немедленно выходить из Договора, ибо-де именно ДЭХ виноват в том, что на основании его инвестиционных положений акционеры тогдашней (не существующей сегодня) компании подали к Российской Федерации многомиллиардный иск. Знаю, что в середине 2009 г., когда из высшего правительственного эшелона было спущено распоряжение о подготовке выхода страны из ДЭХ, Володя был одним из тех немногих людей, кто активно пытался противодействовать этому процессу, убеждая в его нецелесообразности, контрпродуктивности, негативных последствиях для страны от такого недальновидного шага.

Знаю совершенно точно, что Володя вместе с Т.И. Штилькиндоном пытались достучаться до высшего российского руководства с разъяснениями, почему

России не следует идти на поводу требований выйти из ДЭХ. И не только потому, что дальнейшего развития «дела ЮКОСа» это никак не изменит (статья 45.3(b) ДЭХ сохраняет в силе действие его инвестиционных положений в отношении страны, применявшей ДЭХ на временной основе, но вышедшей из него в период временного применения, на 20 лет с даты выхода). Достучаться, знаю, удалось. Переломить мнение высокопоставленных противников ДЭХ, ратовавших за выход из Договора, увы, нет. Россия, как известно, вышла из временного применения ДЭХ в августе 2009 г. (а в апреле 2018 г. и вовсе отозвала свою подпись под ДЭХ, аккурат за 2 дня до 10-летнего юбилея вступления ДЭХ в силу... неслучайное совпадение...). При этом Володя никогда, а тем более публично, не афишировал, и тем более не превозносил, свою (и Т.И. Штилькин) роль в попытках сохранения России в хартийном процессе...

Некоторые идеи, выдвинутые и/или активно поддерживаемые Володией в ходе неформальных консультаций РФ-ЕС по проекту Транзитного протокола в рамках СЭХ, нам впоследствии удалось инкорпорировать (в рамках процесса уже других неформальных консультаций РФ-ЕС, вне хартийного формата и после фактического прекращения российского участия в хартийном процессе в 2009 г.) в Сетевые кодексы ЕС, то есть непосредственно во внутреннее законодательство Евросоюза. В частности, процедуру долгосрочного резервирования трансграничных мощностей ГТС на основании процедуры т.н. «открытой подписки» (open season), которая обеспечивает финансируемость создания новых газотранспортных мощностей с привлечением заемного финансирования, ибо обеспечивает гарантии возврата (подкрепленные долгосрочными контрактами грузоотправителей на прокачку – если условия будущей прокачки их удовлетворяют) привлекаемых с долгового рынка средств соответствующими операторами ГТС. Я бы сказал, что процедура “open season” была Володиной страстью, глубокой привязанностью – как взаимоприемлемая и опирающаяся на рыночный спрос процедура создания новых мощностей ГТС, что было особенно актуально на этапе перехода от радиальной к радиально-кольцевой системе экспортных газопроводов России в Европу и создания новых, северных и южных, «обходных» трубопроводных систем (суша плюс море), замыкающих газовое кольцо поставок российского газа на действующие пункты его сдачи-приемки в ЕС.

Найденные в рамках консультаций Россия-ЕС в хартийном процессе содержательные развязки оказались, однако, не востребованы на политическом уровне (история моей страны в Энергетической хартии общеизвестна). Но к нам с Володией пришло понимание, что именно неформальные консультации специалистов по острым открытым вопросам двусторонних и/или многосторонних отношений, предваряющие любые официальные переговоры, являются эффективным инструментом выработки взаимоприемлемых, внутренне непротиворечивых, устойчивых долгосрочных решений. Залогом именно такого итога является высокий профессионализм участников консультаций, когда на первый план выходит «сила аргумента»... Володя максимально соответствовал такому подходу и олицетворял его.

Двусторонние консультации экспертов России и ЕС в рамках хартийного процесса в 2004–2007 гг. фактически проложили дорогу к последующим сначала неформальным консультациям экспертов России/Группы Газпром и энер-

гетических регуляторов и операторов ГТС стран-членов ЕС с участием представителей Еврокомиссии по проблемным вопросам имплементации Третьего энергетического пакета ЕС (ТЭП ЕС) с учетом обоснованных озабоченностей российской стороны (2010–2017), а затем и к формированию Консультативного совета по газу Россия-ЕС при Координаторах ЭнергодIALOGA Россия-ЕС – Министре энергетики Российской Федерации и Комиссаре ЕС по энергетике (с 2011 г. по настоящее время).

Володя был одним из ведущих российских участников в обоих процессах. Он очень помог мне в запуске процесса неформальных консультаций по проблематике ТЭП ЕС – без его помощи и активной поддержки, его профессиональных знаний и авторитета было бы очень сложно «раскрутить» и поддерживать этот процесс, который с российской стороны возглавил тогдашний зампред «Газпрома» и гендиректор «Газпром экспорт» А.И. Медведев (поскольку именно «Газпром» как монополющий экспортер трубопроводного газа был основным бенефициаром консультационного процесса с российской стороны). В ходе консультаций обсуждались содержательные вопросы подготовки Целевой модели рынка газа ЕС и Сетевых кодексов ЕС с учетом обоснованных озабоченностей российской стороны.

А началось всё так. Второго сентября 2009 года, накануне вступления в силу ТЭП ЕС, я оказался на одной из дискуссионных панелей в рамках ежегодного внутриевропейского экономического форума в маленьком тирольском городке (даже, скорее, селении) Альпбах. Там мне пришлось активно публично оппонировать одному из идеологов ТЭП ЕС, Вальтеру Больцу, тогдашнему руководителю австрийского энергорегулятора «Энерджи Контрол» и второму-третьему лицу в объединенной иерархии европейских энергорегуляторов. Мы с ним жестко схлестнулись по вопросу о том, какие дополнительные инвестиционные риски создает ТЭП ЕС для поставщиков по долгосрочным контрактам из-за пределов ЕС для исполнения этих контрактов, а значит для финансирования добывающих проектов за пределами ЕС, необходимых для поддержания уровня поставок (в целях компенсации падения добычи на действующих месторождениях) во исполнение этих контрактов. А также для функционирования трансграничной капиталоемкой инфраструктуры и, главное, для ее развития, поскольку лишает, в силу создаваемых ТЭП ЕС дополнительных инвестиционных рисков, потенциальных частных инвесторов склонности к финансированию инфраструктурных проектов и предопределяет тем самым потенциальный перенос основной тяжести процесса их финансирования на публичные (государственные) финансы, то есть на европейских налогоплательщиков.

После панели В. Больц (с которым мы до того были знакомы, но не близко) подошел ко мне и предложил, чтобы мы с ним организовали совместное заседание представителей европейских энергорегуляторов, с одной стороны, и представителей Газпрома, Минэнерго и/или, шире, российских газовых экспертов – с другой, чтобы европейская сторона разъяснила нам свои намерения, чтобы мы поняли, что «не всё так страшно» и что многие наши опасения являются избыточными, а то и иллюзорными, или построены на неверном толковании намерений стороны ЕС. И чтобы, в итоге, российские представители, в первую очередь из Газпрома, перестали активно критиковать ТЭП ЕС,

чем они активно публично занимаются с момента обнародования основных положений готовящегося ТЭП ЕС в сентябре 2007 г.

В ответ на это я контрпредложил Болъцу не ограничиваться одним заседанием – его окажется явно недостаточно, чтобы снять все разногласия, а запустить постоянно действующий процесс неформальных консультаций по актуальным проблемам ТЭП ЕС, который будет иметь взаимную пользу (и тем самым снижать риски и напряженности) для обеих сторон: сторона ЕС будет разъяснять нам свои намерения в рамках своего суверенного «права на регулирование», а мы будем разъяснять стороне ЕС свои обоснованные озабоченности как основной суверенный поставщик газа в ЕС извне ЕС, который оценивает влияние ТЭП ЕС (появление новых рисков и неопределенностей в связи с радикальной сменой архитектуры рынка газа ЕС в соответствии с ТЭП ЕС) не только на торговые потоки внутри ЕС (после пересечения добытым газом границы ЕС на длинном пути от устья скважины далеко в глубине России до конечного потребителя далеко в глубине ЕС), но и на российские инвестиции в добычу газа – на поддержание (возмещение выбытия на действующих месторождениях) и наращивание добычи, в том числе для обеспечения безусловного исполнения долгосрочных российских экспортных газовых контрактов с компаниями ЕС. Это даст возможность европейским энергорегуляторам готовить новые нормативные документы с учетом обоснованных озабоченностей и аргументов основного поставщика.

Приехав в Москву, я написал соответствующую записку на имя зам. председателя правления ПАО (тогда ОАО) «Газпром» и гендиректора ООО «Газпром экспорт» А.И. Медведева и зам. Министра энергетики А.Б. Яновского с предложением об организации такого процесса неформальных консультаций, которое было сразу и безусловно поддержано. В списке 12 экспертов с российской стороны, который я приложил к своей записке обоим адресатам, под номером один стояла фамилия Володи...

Консультационный процесс был запущен сразу после вступления в силу ТЭП ЕС и продолжался до принятия последнего Сетевого кодекса к ТЭП ЕС весной 2017 г. За это время состоялось 29 заседаний. Фотографии с некоторых заседаний приведены в книге. Соруководителями с российской стороны был А.И. Медведев (за мной осталась роль координатора), со стороны ЕС – В. Болъц. Понятно, что без глубокой заинтересованности участников в содержательной стороне дела так долго этот неформальный процесс продолжаться не смог бы – значит, была потребность у сторон встречаться и разговаривать, значит, была потребность у стороны ЕС в «силе аргумента», чтобы сделать правила регулирования европейского рынка газа – по возможности (политических реалий никто и никогда не отменял) – взаимоприемлемыми, а значит, приемлемыми и для основного поставщика газа на европейский рынок, которым была, есть и еще долго останется Россия.

Володя был активным участником практически всех этих консультаций. Он много выступал на них – практически на каждом: будь то с самостоятельной презентацией или активно участвуя в дискуссии. При этом со стороны иногда казалось, что он ведет себя довольно безучастно, даже отстраненно. Об этой характерной черте Володиного поведения пишет в своих воспоминаниях И.В. Гудков,

который был удивлен, когда увидел глубокое погружение Володи в ходе консультаций в свой телефон или ноутбук и был уверен, что он там, параллельно с участием в обсуждении, читает какие-то важные документы или материалы, касающиеся обсуждаемых вопросов. Как же Иван был поражен, когда случайно увидел, что Володя, оказывается, одновременно с активным участием в дискуссии – своевременно вступая в полемику по важным вопросам, задавая вопросы, подавая реплики, – раскладывал пасьянс в телефоне (ноутбуке).

Меня, кстати, это тоже всегда удивляло и, признаюсь, иногда/зачастую раздражало. Особенно когда мы с ним встречались вдвоем, особенно у него в кабинете в ФИЭФ, сидели напротив друг друга, и он, продолжая полноценно участвовать в разговоре, тем не менее, слушая собеседника, продолжал что-то делать в своем компьютере. И когда я замолкал, давая ему возможность закончить что-то, видимо (думал я тогда иногда), неотложное, слышал: «Продолжай, продолжай. Я тебя внимательно слушаю». Ну что ж, кто-то рисует чертиков или геометрические фигуры в блокноте, слушая собеседника. А кто-то раскладывает доведенный до автоматизма пасьянс... при этом не теряя нить разговора и полноценно в нем участвуя. У каждого из нас есть свои «тараканы в шкафу»...

Володя очень часто, весьма доходчиво, зачастую весьма эмоционально, объяснял нашим европейским коллегам (а поскольку в ходе неформального процесса участники быстро притерлись друг к другу, то и ориентировались не на эмоциональную, а на содержательную часть дискуссии), почему те или иные новеллы европейского газового регулирования в случае их принятия сработают против интересов самого ЕС, приведут не к росту, а к снижению благосостояния граждан Евросоюза. На одном из заседаний, после выявления российской стороной какого-то очередного «подводного камня» для стороны ЕС в рамках подготовленного ею проекта очередного регулятивного документа, по-моему – Целевой модели рынка газа ЕС (Володя потом долго припоминал в разных аудиториях это «сетование» европейской стороны), сопредседатель консультаций со стороны ЕС Вальтер Больц, обращаясь к российской команде, – и, по-моему, непосредственно к Володе, – воскликнул: «Где же вы были раньше!».

На волне успеха неформальных консультаций Координаторы ЭнергодIALOGA Россия-ЕС – Министр энергетики Российской Федерации (тогда С.И. Шматко) и Комиссар ЕС по энергетике (тогда Г. Оттингер) – сформировали в 2011 г. под своим патронажем Консультативный совет по газу Россия-ЕС в составе трех рабочих групп. Володя был назначен ко-спикером КСГ с российской стороны и со-руководителем рабочей группы №1 КСГ (по долгосрочным сценариям и прогнозам) и оставался на этой позиции до своей кончины (см. схему).

Его визави и в КСГ, и в РГ1 был назначен известный и уважаемый в европейском и международном газовом мире проф. Джонатан Стерн (создатель газовой программы Оксфордского института энергетических исследований). В этом тандеме они эффективно взаимодействовали, в чем-то даже похожие, на мой взгляд (это видно из фотографий некоторых наших заседаний, где представлены оба): оба седовласые, бородатые, неторопливые, рассудительные, но главное – очень знающие и уважаемые в своей сфере.

Соруководителями рабочей группы № 2 КСГ (по внутренним рынкам) были назначены В. Больц и я. До 2017 г. (завершения подготовки Сетевых кодексов

*Структура Консультативного совета по газу
при Координаторах Энергетического диалога Россия-ЕС в 2011–2019 гг.
(при жизни В.И. Фейгина)*

к ТЭП ЕС) заседания РГ2 КСГ и неформальные консультации по ТЭП ЕС проходили в совмещенном режиме. Ныне процесс РГ2 КСГ продолжает «самостоятельное плавание». Всё это время продолжалось наше интенсивное взаимодействие с Володей в рамках плотного профессионального неформального диалога в совмещенном процессе, а потом в процессе РГ2 КСГ, с коллегами из ЕС по вопросам эффективного формирования единого внутреннего рынка газа ЕС. Поскольку эти правила непосредственно влияют на нашу текущую и перспективную экспортную политику, причем не только на европейском направлении, Володя всегда, пока позволяло здоровье, участвовал в заседаниях РГ2 КСГ.

Мы стремились с Володей решать в чем-то недостижимую задачу (но и в этом мы были, полагаю, схожи: мы считали, чтобы взять ту или иную высоту, надо поднимать планку выше цели) – нацеливать наших европейских коллег на учет при подготовке нормативно-правовой базы для формирующегося единого внутреннего рынка газа ЕС объективных национальных интересов РФ (монетизация ресурсов российского газа) и обоснованных озабоченностей России как основного экспортера газа на рынке ЕС (минимизация инвестиционных и торговых

рисков до взаимоприемлемого уровня), насколько это возможно в рамках существующих политических реалий, в рамках государств с разным политическим устройством, но связанных в единое пространство «Большой Энергетической Европы» единой трансграничной, капиталоемкой, стационарной инфраструктурой, объективно обрекающей эти страны на долгосрочное взаимодействие, основанное на взаимозависимости и взаимодополняемости.

Более того, именно такую задачу в качестве целеполагания для деятельности КСГ сформулировал на первом его заседании в октябре 2011 г. тогдашний сопредседатель КСГ со стороны ЕС, Гендиректор Генерального директората по энергетике Еврокомиссии Филип Лоу: «минимизировать взаимные риски и неопределенности до приемлемого уровня». Володя (и, помнится, с его подачи, сопредседатель КСГ со стороны России замминистра энергетики А.Б. Яновский) сразу ухватился за эту фразу, многократно повторил ее в ходе обсуждения, как бы проверяя «на слух, на вкус, на устойчивость», и потом очень часто приводил ее в качестве цитаты в разных документах и любил повторять ее при нашем общении.

Кстати, приводя в книге некоторые коллективные фотографии с наших заседаний, хочу обратить внимание на одну общую их деталь: Володя всегда на них присутствует на втором плане – не в центре, а как бы сбоку, иногда совсем с краю или оставаясь во втором ряду. Будучи при этом в содержательной части дискуссий одним из наиболее активных их участников – что называется, участником «первого ряда».

Последнее очное 29-е заседание РГ2 КСГ (если считать с первого раунда неформальных консультаций в январе 2010 г., то 36-е по счету) состоялось в октябре 2019 г. в Берлине. В нем Володя уже не смог принять участие, как и в нескольких предыдущих – болезнь давала о себе знать. Но костяк участников сохранялся в основном с тех первых заседаний еще десятилетней давности...

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в консультационный процесс. После некоторого сбоя, вызванного реформатированием заседаний в онлайн-режим, состоялись два заседания РГ2 КСГ в видеорежиме и еще два запланированы до конца года при постоянно нарастающем числе желающих участвовать в процессе с той и другой стороны (это видно по фотографии с 29-го заседания РГ2 КСГ), так что с начала 2020 г. сопредседателям пришлось даже ввести порядок участия «по индивидуальным приглашениям».

Юбилейное 30-е заседание РГ2 КСГ в июле 2020 г. впервые состоялось в онлайн-режиме. Это было первое заседание после Володиного ухода. И в начале заседания все его участники помянули ко-спикера КСГ и со-руководителя РГ1 КСГ добрыми словами и минутой молчания.

Основа нынешней повестки РГ2 КСГ – вопросы декарбонизации рынка газа ЕС и эффективное участие российской стороны в этом процессе на взаимовыгодной основе. Один из путей экспортно-ориентированного участия России в низкоуглеродном развитии ЕС – в том числе, посредством производства внутри ЕС «чистого» водорода из метана (то есть без выбросов CO₂), поставляемого по существующей трансграничной газотранспортной системе Россия-ЕС, что ведет к удешевлению декарбонизации для ЕС (по сравнению с альтернативными решениями по производству водорода) и дополнительной монетизации

ресурсов российского газа. Не сомневаюсь, что и в этой повестке Володя смог бы предложить некие элегантные варианты возможных развязок для дальнейшего обсуждения, сближающие позиции сторон, как это было в период нашей с ним работы над проектом Транзитного протокола или во время неформальных консультаций по проблемным вопросам применения ТЭП ЕС. Увы, теперь и все последующие заседания РГ2 КСГ будут проходить без Володи... И все вопросы «новой» газовой повестки, которые вызывали у него не меньший, а то и больший интерес по сравнению с традиционной газовой повесткой, также не получат его вдумчивого участия.

Мне было очень легко общаться с ним. И очень тяжело одновременно. Легко – потому что между нами отсутствовали те формальные и/или неформальные барьеры, которые зачастую существуют между людьми и мешают им в полной мере оставаться самими собой в рамках общения. Нам легко было выражать свои мысли друг другу, ибо по многим вопросам мы были настроены на одну волну. Тяжело – потому что наше общение чаще касалось профессиональных вопросов, по которым не только у нас двоих, но и в стране и/или мире зачастую отсутствовала четко выраженная, и при этом не менее убедительно обоснованная позиция, система аргументов. Володя с его фундаментальными знаниями (достоинства советской системы физико-математического образования давали себя знать) быстро видел или находил слабые или недостаточно убедительные места в моей системе аргументов и/или сам выдвигал глубоко обоснованную систему контрдоводов, поэтому разговоры в расслабленном ключе у нас, помнится, не было – всё время нужно было находиться «в тонусе». Но это и стимулировало, работал эффект «питательной среды», независимо от того, были это наши двусторонние с ним или многосторонние неформальные среды ближайших друзей и/или коллег или более официальные обсуждения (например, на заседании Ученого совета ФИЭФ, где, помнится, на моем последнем при Володе выступлении о вызовах Парижского соглашения для России и мира мне пришлось изрядно попотеть, отвечая на его вопросы).

В том, насколько он был (и остается) известен и уважаем в международной энергетической среде, я еще раз убедился, побывав на очередной (уже 12-й по счету) Европейской газовой конференции, проходившей 27–29 января 2020 г. в Вене, участниками которой в прошлые годы часто бывали мы с ним. После Володиной кончины я разослал письмо его памяти с информацией о его уходе из жизни всем участникам КСГ с российской и европейской стороны, кому-то позвонил/написал напрямую – и немедленно (прямо или опосредованно) получил ряд откликов с соболезнованиями от многих знаковых фигур в европейской и мировой энергетике и энергополитике (К.Д. Борхард, В. Больц, Й. Ингверсен, Дж. Стерн, Ф. Бирол, В. Гроенендийк, Р. Дикель, К. Клетингс, М. Сипос, А. Рар, Т. Густафсон и др.). Во время Конференции ко мне подходили многие ее участники, представители газового бизнеса разных частей света, где Володя снискал профессиональное уважение, со словами соболезнования и просьбой передать их родным и близким. Многие из них потом прислали свои воспоминания о Володе, которые включены в эту книгу. Издатель международного журнала «Газовый мир» (Natural Gas World), по-видимому, самого читаемого сегодня бизнес-журнала в газовой отрасли, Вильям Пауэлл, немед-

ленно откликнулся тогда на мою просьбу и опубликовал некролог памяти В. Фейгина на сайте журнала¹.

Еще раз передаю свои соболезнования на уход Володи его семье и нам, его друзьям и коллегам

Нам будет очень его не хватать.

Мне будет его очень не хватать.

22-23.01.2020, Москва-Вена²;
03-31.10.2020, д. Волжанка, Тверская обл.

¹ Некролог был опубликован 29 января 2020 г. и доступен по адресу: <https://www.naturalgasworld.com/the-co-speaker-of-the-russia-eu-gas-advisory-council-passed-away-76077>. – *Прим. ред.*

² Написанная в те дни, сразу после ухода Володи, часть воспоминаний была опубликована как статья его памяти в журнале «Нефтегазовая Вертикаль», 2020, № 3–4, С. 115–119 // http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/%D0%9D%D0%93%D0%92-3-4_2020_100pc.pdf.